

в фольклоре лишь религиозно-мистические мотивы: В. Я. Брюсов сумел услышать голос современной ему городской улицы, К. Д. Бальмонт познакомил русского читателя с легендами и мифами Океании и т. д.

Среди писателей начала XX в. пропущен Н. Г. Гарин-Михайловский, собиратель и издатель корейских сказок, автор и поныне популярных сказок для детей, буквально насыщенных фольклорными реминисценциями. Вызывает недоумение тема № 103 — «Фольклор в творчестве А. И. Куприна и С. Г. Скитальца». Зачем объединять столь непохожих друг на друга писателей? К тому же связи прозы Куприна с фольклором намечены неполно: упомянуты повести и рассказы о старой армии и так называемый «полесский цикл», но ничего не сказано о легендах, заимствованных из русского и восточного фольклора («Аль-Исса», «Демир-Кая», «Кисмет», «Пегие лошади»).

Неполон и перечень произведений в теме № 104 — «Фольклор в творчестве А. А. Блока». Отсутствует «Песня судьбы», где такую огромную роль играют символические образы вьюжной ночи и мудрого старика-коробейника. Не упомянут «Соловьиный сад», сюжет которого построен на типичном для сказки «выпадении из времени». Фольклоризм А. А. Блока настолько сложен и многогранен, что его вообще следовало бы представить не одной, а несколькими темами.

Очень своевременно издана работа Ю. Г. Круглова «Фольклорная практика. Пособие для преподавателей и студентов педагогических институтов» (М.: Просвещение, 1979). Актуальность пособия определяется тем, что по новому учебному плану с 1978 г. для студентов стала обязательной фольклорная практика. В пособии содержатся многочисленные полезные рекомендации о заблаговременной подготовке к проведению практики на кафедре и на факультете, о выборе места для экспедиции, налаживании контактов с населением, местными советами и органами информации.

Кроме указаний методического и организационного характера в пособии обобщен опыт дореволюционных и советских собирателей, Ю. Г. Круглов ссылается на советы, наблюдения, предупреждения Н. Е. Ончукова, А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой, Д. М. Балашова, Н. И. Савушкиной. Хорошо раскрыто воспитательное значение фольклорной практики, пробуждение у студентов любви к народному искусству, приобщение их к научной деятельности.

В книге много живых наблюдений автора над современным состоянием народного творчества, интересны обращения к собственной экспедиционной практике, характеристики исполнителей, бытовые сценки, сопровождавшие процесс записывания текстов. Все это выгодно отличает работу Ю. Г. Круглова от обычных инструкций и методических указаний о собирании фольклора.

Перечисленные выше учебники, хрестоматии, пособия дают прочную научную основу для изучения русского фольклора в высшей школе. Все вместе они отражают поиски и находки советской фольклористики; более мобильные пособия помогают более стабильным учебникам «догонять» ее, подводя итоги дискуссий, подключая новые факты и концепции. В то же время заметно, что еще недостаточно учитывается в учебной литературе другая, не менее важная задача советской высшей школы — воспитательная. Воспитание навыков самостоятельной работы, приобщение к научному творчеству начинается с первых месяцев студенческой жизни. Все разновидности учебной литературы должны ориентироваться не только на освещение предмета, но и на пробуждение активности читателя, которому нужно помочь в выборе путей и форм самостоятельной подготовки и выработки исследовательских навыков.

НАРОДЫ СССР

Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М.: Наука, 1983. 264 с.

Советское кавказоведение за последние два десятилетия сделало значительный шаг вперед в области изучения семьи и семейного уклада в прошлом и настоящем у различных народов Северного Кавказа, о чем свидетельствует большое число публикаций на эту тему. Однако обобщающих трудов по северокавказской семье до сих пор не было. Поэтому появление книги Я. С. Смирновой, представляющей собой итог многолетних исследований автора и первую монографию о семье у народов Северного Кавказа, можно рассматривать как заметное событие в этнографическом кавказоведении.

Рецензируемая книга состоит из введения, трех глав и заключения. Она иллюстрирована и снабжена указателями—именным, предметным, этнических и географических наименований.

Хронологические рамки книги охватывают большой период — со второй половины XIX в. до наших дней, а порой автор совершает экскурсы в первую половину прошлого века. Такой широкий хронологический фон представляется вполне целесообразным, так как без характеристики былой северокавказской семьи и особенностей ее быта было бы, пожалуй, невозможно в полной мере осознать и оценить те поистине огромные качественные сдвиги, которые претерпела семейная организация этого отсталого в прошлом историко-культурного региона за сравнительно короткий срок — 60 лет Со-

ветской власти. Характерно, что автор не просто сопоставляет прошлое с настоящим (было так, а стало так), но дает развернутую характеристику семье в ее историческом развитии, в динамике, показывая сложные пути и трудности переустройства по существу патриархальной семьи феодального общества в современную социалистическую семью.

Большим достоинством рецензируемой монографии является привлечение широкого и разнообразного круга источников, причем при характеристике каждого нового исторического этапа в развитии северокавказской семьи автор обращается к разным видам источников и применяет разные методические приемы их обработки. Так, глава первая — «Дореволюционная семья и ее быт» — построена главным образом на нарративных источниках, архивных и полевых этнографических материалах; в главе второй — «Семья и семейный быт в первые десятилетия Советской власти» — в большой мере использованы данные периодических изданий, прессы, законодательных материалов; наконец, в главе третьей — «Семья и семейный быт в современную эпоху» — наряду с чисто этнографическими привлекаются статистические материалы, широко применяются данные этносоциологических обследований отдельных народов Северного Кавказа. В этой главе успешно сочетаются собственно этнографические и этносоциологические приемы исследования, что позволило комплексно использовать наиболее действенные методы обеих дисциплин.

Семья и ее быт рассматриваются в книге в самом широком плане: показаны типы и формы семьи, ее численный, поколенный и родственный состав, половозрастное разделение труда в семье и внутрисемейные отношения, положение женщины и воспитание детей, наконец, семья в ее родственном и соседском окружении. Большое внимание уделено семейной обрядности, и здесь в центре исследования обряды жизненного цикла — свадебные, детские, погребально-поминальные. Все без исключения аспекты темы рассматриваются на протяжении всего исследуемого времени, а для многих явлений, в частности обычаев и обрядов, показаны их генезис и последующая трансформация, переосмысление в новых социально-экономических условиях.

Во всех подобных случаях особенно ценным представляется последовательное совмещение исторического подхода с функциональным анализом исследуемых материалов. Это позволяет одинаково хорошо понять как генетические корни ряда историко-этнографических явлений, так и их функциональную роль в той или иной общественно-экономической формации, а в ряде случаев и причины их пережиточного бытования в дореволюционном прошлом и в советское время. Сказанное относится к трактовке автором аталычества, свадебного скрывания, избегания и других институтов и обычаев. В своих историко-этнографических реконструкциях Я. С. Смирнова в одних случаях развивает и углубляет теоретические выводы таких кавказоведов, как М. О. Косвен, В. К. Гарданов, А. И. Робакидзе (институт аталычества, соотношение большесемейной, патронимической и соседской организаций и т. п.), в других — выдвигает принципиально новую точку зрения (например, по поводу функциональных механизмов сохранения обычаев избегания). Сравнительно недавно прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» плодотворная дискуссия по критериям подхода к обычаям избегания отразила интерес исследователей к высказанной Я. С. Смирновой в соавторстве с А. И. Першицем формационной оценке некоторых остаточных явлений традиционно-бытовой культуры¹. Теоретическая разработка таких вопросов, вставших при анализе эмпирических материалов этнографии народов Кавказа, выходит за рамки кавказоведения: она важна для понимания более широких закономерностей функционирования отдельных явлений традиционно-бытовой культуры в различные исторические эпохи.

Как уже отмечалось, две главы из трех посвящены семье и ее быту в советское время. Здесь автор совершенно справедливо неоднократно подчеркивает, что прогрессивные изменения, происшедшие и происходящие в этой области у народов Северного Кавказа, — результат прежде всего закономерных процессов выравнивания уровня социально-экономического и культурного развития народов Советского Союза. Соответствующее воздействие на семью и семейный уклад оказали стремительные процессы экономических и культурно-бытовых преобразований в первые десятилетия Советской власти. Как создание общности материальных условий, прочной экономической базы подготавливало почву для преобразования семьи и дальнейших предпосылок ее развития, как происходило постепенное выравнивание особенного и все более яркое проявление общего в семейном укладе, как трудно шла вся эта перестройка и какое огромное внимание уделялось в те годы изживанию вредных обычаев — все эти вопросы автор успешно освещает во второй главе монографии.

Еще более детально характеризуются современная семья и ее развитие у народов Северного Кавказа. На большом этнографическом материале и с привлечением статистических данных автор показывает изменение функций семьи, ее состава и всего семейного уклада. Выявляется огромная роль всех современных процессов (сближения народов СССР, урбанизации и др.) в увеличении доли национально-смешанных браков, способствующих сближению семейного быта разных народов региона, его интернационализации и эгалитаризации внутрисемейных отношений. Большое число статистических таблиц, рассчитанных на основании этносоциологических обследований, подтверждает основные положения и выводы третьей главы, посвященной современной семье. Важно отметить, что в этой главе, как и в предыдущей, характеризуется не только сельская, но и городская семья и рассматривается влияние городского семейного уклада на сельский.

¹ См.: Сов. этнография, 1978, № 6; 1979, № 1, 5.

Весьма ценным представляется то обстоятельство, что в книге наряду с тщательным описанием современной обрядности северокавказской семьи предлагается ее типологическая классификация. При этом критически осмысливаются сохраняющиеся негативные стороны свадебного и похоронного обрядов и в то же время некоторые обрядовые инновации, не способствующие совершенствованию современного быта. Здесь также имеются теоретически важные разработки: таковы, например, выделенные автором «полутрадиционные обряды» в современных обрядовых циклах, на что уже обращалось внимание на страницах «Советской этнографии»².

Как и всякая большая работа, поднимающая ряд взаимосвязанных вопросов, книга Я. С. Смирновой не свободна от отдельных пробелов и недостатков. В частности, хотелось бы пожелать, чтобы некоторые рассматриваемые в ней вопросы получили свою дальнейшую разработку. Это относится, например, к выделению переходных типов семьи от большой к малой. Автор вслед за Д. А. Ольдерогге обращает внимание на распавшееся состояние, в котором может находиться большесемейная организация, однако не предлагает критериев типологизации переходных форм семьи, что ослабляет выдвинутую идею. Точно так же хотелось бы дальнейшего развития мысли об отсутствии качественных, социально-экономических различий между соседско-общинной и патронимической организацией: в таком сжатом виде, в каком изложено это положение, оно представляется недостаточно убедительным. Равным образом не аргументирован сколько-нибудь развернуто тезис о том, что патронимическая тамга не является доказательством существования в прошлом общепатронимической собственности на скот. Можно пожалеть, что такой интересный показатель, как индекс эндогамности браков, рассчитан на материалах народов только Карачаево-Черкесии, а не всех автономных республик и областей Северного Кавказа. Среди статистических источников почти не использован такой, как посемейные списки.

Эти замечания не меняют общей очень высокой оценки рецензируемой книги. Монография Я. С. Смирновой, несомненно, отражает современное состояние историко-этнографической науки по проблемам семьи и уровень изученности семьи у народов Северного Кавказа, вводит в научный оборот обширный новый полевой и архивный материал, содержит интересные новые теоретические обобщения и аргументированную новую трактовку ряда историко-культурных явлений. В целом перед нами капитальное этнорегиональное исследование северокавказской семьи и ее быта, которое займет достойное и прочное место в этнографическом кавказоведении.

Е. Н. Данилова

² См.: *Гурвич И. С.* Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза.— *Сов. этнография*, 1982, № 6.

З. П. Соколова. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.

Монография состоит из введения, трех глав (из которых первые две посвящены фратриальному устройству общества хантов и манси, а последняя — третья, проблеме рода у этих народов) и заключения. Сразу же отметим, что социальной организации обских угров в советской литературе посвящено немало работ, среди которых прежде всего следует назвать труды С. В. Бахрушина, Н. Н. Степанова, В. Н. Чернецова, З. Я. Бояршиновой. Но работа З. П. Соколовой, которая в значительной степени подводит итог ее предшествующим исследованиям в этой области, в ряде отношений выгодно от них отличается. И дело не только в том, что автор кроме литературных источников использует данные своих собственных полевых исследований. З. П. Соколовой удалось выявить и ввести в научный оборот новые материалы, которые позволили ей проследить историю социальной организации хантов и манси на протяжении более чем двух столетий. Раньше эти материалы никогда и никем в таком масштабе не использовались. Это — хранящиеся в архиве г. Тобольска церковные метрические книги (фонды Тобольской духовной консистории и районных загсов Тюменской области). З. П. Соколовой удалось заставить заговорить содержащиеся в них записи о браках и исповедные духовные росписи. Кроме этого основного материала, она использовала также ревизские переписи и ясачные книги.

З. П. Соколова проделала поистине титаническую работу по классификации и подсчету сведений о более чем 24 тыс. браков хантов и манси (по всей территории их расселения, охватывающей 4 уезда, 51 волость, более 300 селений) и свыше 2,5 тыс. фамилий хантов и манси за период с 1743 по 1900 г., а по некоторым волостям по 1912 г., что само по себе представляет большую ценность.

Все эти данные содержатся в обширном приложении к книге, носящем название «Фамильный, численный и брачный состав населения по отдельным волостям и уездам в XVIII—XIX вв.» (с. 167—316). В книгу вошли далеко не все таблицы, выполненные автором. Значительное их число содержится в депонированной монографии З. П. Соколовой¹. Депонированная монография, а также таблицы, приложенные к рецензируемой

¹ *Соколова З. П.* Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в XVIII — начале XX в.: (Материалы) АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Рукопись деп. ИНИОН АН СССР, № 3515.